

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 336–341

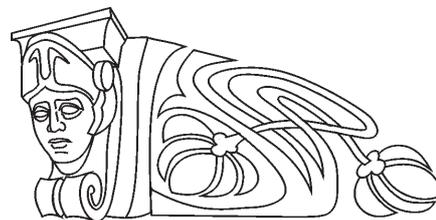
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 336–341

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-336-341>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Улицкая

Проблема смены точек зрения в романе Л. Улицкой «Лестница Якова»

Гао Имин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Гао Имин, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, yiming.masha@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4495-8387>

Аннотация. В статье рассматривается смена точек зрения повествователя и персонажей в романе Л. Улицкой «Лестница Якова», для которого характерно многоголосие и совмещение разных повествовательных ситуаций. В результате анализа общей композиции романа и конкретных отрывков обобщены основные формы текста, в которых проявляются точки зрения персонажей: старые письма и дневники, написанные героями, диалоги персонажей, их внутренние монологи, а также повествовательный текст, в котором автор как будто стоит за спиной героя, изображает картину, представленную в глазах конкретного персонажа. Отдельно рассмотрены повествовательные особенности этих форм передачи точек зрения персонажей и их роль в создании образа героев и раскрытии внутреннего состояния персонажей. Мемуарно-эпистолярные тексты в качестве важной составляющей части романа выполняют также сюжетно-композиционную функцию, образуют сюжетную линию старшего поколения семьи Осецких, являются основным способом для главной героини Норы познания своего деда Якова. Внутренняя речь героев передается как в форме прямой речи, так и в форме косвенной и несобственно-прямой речи. Иногда она встроена в диалог персонажей, выступает в качестве «голоса за кадром», раскрывающего психологическое состояние одного из собеседников. Проанализированы конкретные отрывки, в которых сливаются речь героя и авторское высказывание, обнаружена близость автора-повествователя к Норе. Выявлено, что для романа «Лестница Якова» характерна постоянная смена точек зрения, реализованная авторским композиционным решением и активным взаимодействием разнообразных повествовательных форм, что является особенностью творческой манеры писательницы при создании данного произведения.

Ключевые слова: точка зрения, повествовательная ситуация, многоголосие, эпистолярная составляющая, текстовая интерференция, Л. Улицкая

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Для цитирования: Гао Имин. Проблема смены точек зрения в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 336–341. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-336-341>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of changing points of view in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya

Gao Yiming

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Gao Yiming, yiming.masha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4495-8387>

Abstract. The article considers the change of points of view of the narrator and characters in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya, which is characterized by polyphony and the combination of different narrative situations. By analyzing the composition and specific paragraphs of the novel, the main text forms that reflect the characters' points of view are summarized: characters' old letters and diaries, their dialogues, internal monologues, as well as the narrative texts in which the narrator seems to be standing behind the character, portraying the picture presented in the eyes of a specific character. The narrative features of these forms of rendering characters' points of view and their role in creating the image of a character and in revealing their inner state are considered separately. The memoir-epistolary texts, as an important component of the novel, also play a plot-compositional function, forming an important storyline of the older generation of Osetsky family, and is the main way for the heroine Nora to know her grandfather Jacob. The inner speech of the characters is reflected in direct, indirect and free indirect speeches. Sometimes it is embedded in the dialogue between the characters as a "voice-over", revealing the mental state of one of the interlocutors. The specific passages, in which the character's speech blends with the author's text, are analyzed, and the closeness of the author-narrator to Nora is observed. It is revealed that the novel *Jacob's Ladder* is characterized by a constant change of points of view, realized by the author's compositional design and the active interaction of various narrative forms, which is also a particular feature of this writer's creative manner in creating this novel.

Keywords: point of view, narrative situation, polyphony, epistolary component, text interference, L. Ulitskaya

Acknowledgements: This work was supported by China Scholarship Council (CSC).

For citation: Gao Yiming. The problem of changing points of view in the novel *Jacob's Ladder* by L. Ulitskaya. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 336–341 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-336-341>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Последний на сегодняшний день роман Л. Улицкой «Лестница Якова», вышедший в 2015 г., представляет собой большую семейную хронику с филигранным построением сюжета. Сохраняя реалистическую традицию, Л. Улицкая демонстрирует повседневную жизнь и судьбы нескольких поколений семьи Осецких на историческом полотне. При этом для «Лестницы Якова» характерно нелинейное повествование: в данном произведении, действие которого охватывает более 100 лет – с конца XIX в. до начала XXI в., параллельно раскрывались судьбы героев разных поколений. Перед читателями не только объективный рассказ повествователя об истории семьи, но и речь самих героев в различных формах, изредка противопоставляемых друг другу, поэтому в этом романе, включающем в себя многоголосие, особенно актуализируется проблема «точки зрения».

«Точка зрения» в качестве важной проблемы для исследования художественных произведений обсуждается разными литературоведами, критиками и лингвистами. Данное понятие введено еще в 1884 г. американским писателем Г. Джеймсом [1, с. 107] – одним из первых писателей, детально разбирающих этот вопрос [2, р. 133]. В XX в., выражая большой интерес к проблеме «точки зрения» в литературе и других нарративных текстах, исследователи выдвинули ряд теорий и концепций, в том числе теорию «фокализации» Ж. Женетта и М. Бала, «повествовательные ситуации» Ф. Штанцеля, четыре плана проявления точки зрения в искусственных произведениях Б. Успенского и др. Существующие различные подходы к изучению точек зрения в художественном творчестве подтверждают важность данного вопроса. В своей монографии немецкий филолог В. Шмид отмечает: «Разногласия возникают даже не столько относительно точности и полноты описания этого явления, сколько по поводу применимости предлагаемых типологий к анализу текста» [1, с. 107]. В настоящее время «точка зрения» остается интересным вопросом для исследования нарративных текстов, в частности романа, в качестве «многостильного, разноречивого, разноголосого явления» [3, с. 75].

Рассматривая разные подходы к исследованию данной проблемы, В. Шмид обобщает ряд внешних и внутренних факторов, обуславливающих разные точки зрения и относящихся к пяти планам: «пространственному», «идеологическому», «временному», «языковому» и

«перцептивному» [1, с. 118–121]. В данной статье мы в основном рассматриваем языковой, перцептивный и идеологический (оценочный) планы точки зрения, ориентируясь на смену «видения» и «голоса» повествователя и персонажей, отраженную в тексте произведения.

Сюжет романа «Лестница Якова» начинается с рождения сына Норы Юрика и смерти ее бабушки Маруси в 1975 г. Нора на бабушкиных похоронах услышала имя дедушки – Якова Осецкого, о котором раньше ничего ей не говорили, увидела маленькую фотографию этого человека на стене комнаты умершей бабушки и в той же комнате нашла ивовый сундучок, наполненный старыми бумагами. Нора перевезла его в свою квартиру, однако из-за кучи клопов в этом сундуке положила его на балкон и забыла. Спустя полгода, под воздействием морозов и дождя все бумаги в ивовом сундучке раскисли и были испорчены, кроме «тщательно упакованного в розовую аптечную клеенку свертка» [4, с. 43] на дне сундучка. В свертке аккуратно лежали несколько записных книжек и обширная переписка между Яковом и Марусей, отражающие жизненный путь Якова, его мышление и «четверть века их любви, дружества, брака» [4, с. 683], представляющие собой важную составляющую в данном романе. Нора положила сверток в свой архив, а прочитала эти письма и записные книжки только в 2011 г., когда уже «умерли все люди, которые могли бы ответить на вопросы, возникшие при чтении старых писем...» [4, с. 43]. Автор-повествователь вышеприведенным предложением заканчивает первую главу романа и начинает рассказывать «тайную» для Норы историю ее предков, о школьных годах Норы и о жизненных путях различных героев после смерти бабушки Маруси.

Повествователь в данном произведении является аукториальным. Он, как всеобщий наблюдатель и свидетель, достоверно знает, что случилось с этими героями, что они сказали, подумали и почувствовали, иногда дает свой комментарий к персонажам и событиям. Например: «К этим сложностям у него не было никакого иммунитета, и в дальнейшей жизни это ему часто вредило» [4, с. 118]; «Двухтысячный наступил, но ничего хорошего от него не ждали» [4, с. 495]; «Последние счастливые месяцы жизни Якова» [4, с. 692]. Однако всезнающий автор-повествователь не появляется во всех 50 главах книги – 11 глав полностью посвящены запискам и письмам в ивовом сундучке, а также в четырех

главах соединяются авторское повествование и найденные Норой старые бумаги. Писательница чередует в своем произведении повествовательный текст со старыми документальными материалами, наполненными голосами старшего поколения семьи Осецких, чтобы параллельно раскрыть несколько сюжетных линий. Читателям были представлены судьбы героев, живших в разное время, и даже разные этапы жизненного пути одного и того же персонажа.

Очевидно, что ввод **эпистолярных и других документальных материалов** в нарративный текст – самый прямой и механический способ перемены носителя речи и точки зрения. Помимо «Дела Осецкого Я. С.» [4, с. 705–716] в архиве КГБ, представленного писательницей в последней главе романа, остальные материалы в ивовом сундучке написаны самими же персонажами, и, следовательно, в этих текстах герои сердечно здороваются с адресатами, рассказывают им о своей жизни и своем настроении, откровенно записывают то, что произошло и о чем они подумали. Например, Яков часто в дневнике анализирует свое внутреннее состояние, думает над некими биологическими и философскими вопросами, пишет свои мысли о музыке и о произошедших исторических событиях. Сохраняя привычку к чтению, он также постоянно в письмах Марусе обсуждает литературу с женой и делится впечатлениями о прочитанных книгах и статьях. Слова самих персонажей выглядят для читателей более «честными», чем повествование нарратора. Они выразительно и наглядно демонстрируют образ героев. Более того, взаимоотношения героев также отражаются в их переписке, в словах героев, обращении друг к другу и даже во временном интервале между письмами, как в своей статье отмечает И. Б. Ничипоров: «Объемный эпистолярный Якова и Маруси, с неумолимо растущим числом безответных писем мужа к жене, становится трагическим документом о распаде дискурса супружеского, межличностного общения» [5, с. 78].

Кроме того, эти вставные материалы играют важную роль в сюжетно-композиционной организации романа. Ивовый сундучок со старыми записками и письмами, занимающими приблизительно треть от объема книги, является символическим предметом и ключевой сюжетной нитью в данном романе, связывающей старшее поколение с младшим посредством родовой памяти. Дневники Якова и семейная переписка демонстрируют дружеское и супружеское общение Якова и Маруси и их повседневную жизнь, когда они жили в разлуке из-за войны, репрессий и личного выбора в карьере, а о совместно проведенном ими времени, истории их родителей и

семейной «тайне», о которых невозможно узнать из оставшихся бумаг, рассказывается и объясняется аукториальным повествователем. Таким образом, история Нориных предков изображается разными голосами, поочередно появляющимися в книге, включающими в себя различные субъективные точки зрения.

Помимо мемуарно-эпистолярной составляющей, роман «Лестница Якова» включает многочисленные **диалоги персонажей**, являющиеся другим очевидным способом перемены точек зрения в данном произведении. Рассказывая эпизоды, автор-повествователь предпочитает привести прямую речь персонажей, участвующих в этих эпизодах. Более того, писательница старается имитировать различные «голоса» персонажей, чтобы в произведении совместились и столкнулись разнообразие по стилистике высказывания, включающие точки зрения героев. В их устной речи, как и в письменной, отражаются разные базы знаний говорящих персонажей, их мировоззрения, профессиональные привычки, характерные черты и даже интонационные особенности. К примеру, музыкальные термины и отдельные слова на французском, итальянском и немецком языках иногда появляются в дневнике и письмах Якова, который вырос в период Серебряного века в богатой семье, получил высшее музыкальное и экономическое образование, никогда, даже в самой трудной ситуации в жизни, не бросал учиться и читать. Прямая речь ирландской девушки Марты, которая работает в Америке и вышла замуж за Витю после развода Вити и Норы, оформлена на английском языке. А речь Тенгиза – грузинского режиссера, любовника Норы, – всегда содержащая его мнения о театральных постановках и об искусстве вообще, отличается эмоциональностью, выразительностью, грузинским акцентом, а также обилием восклицательных предложений и «длинных, с повышающимся хвостом» «Да?» [4, с. 76]. Как отмечает литературный критик Галина Юзефович, заметным прогрессом данного произведения по сравнению с романом «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) является то, что «примерно четверть романа – это “чужой” текст, причем каждый из его вымышленных авторов обладает собственным, узнаваемым и ни на кого не похожим голосом, интонациями, орфографией» [6], хотя, по нашим оценкам, доля «чужого текста» в произведении еще выше, чем четверть.

Кроме письменной и устной речи героев, **внутренние монологи**, раскрывающие психологическое состояние и душевные движения действующих лиц, также характерны для данного произведения. В этом романе они оформлены как

от первого лица, так и от третьего. Внутренний голос персонажей можно услышать не только в их прямой речи, но и в тексте автора-повествователя. Последнее явление во многих работах [1, 3, 7] отмечается как относящееся к несобственно-прямой речи, когда мы понимаем ее в более широком смысле как «отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причем передача текста персонажа не маркируется ни графическими знаками (или их эквивалентами), ни вводными словами (или их эквивалентами)» [1, с. 214]. В «Лестнице Якова» внутренние слова героев эксплицитно или имплицитно вставлены как в диалог героев, так и в авторское повествование. Рассмотрим несколько отрывков из данного романа, включающих различные формы внутренней речи персонажа.

Отрывок № 1.

«Ближе к концу учебного года Норе пришло в голову, как забавно было бы после скандального изгнания из школы заявиться на выпускной вечер в белом платье с фатой в качестве Витиной невесты. Очень, очень забавно! Пусть проглотят эти старые кошелки, пусть Никиту перекосят, а я посмотрю! И она предложила Вите пожениться – для смеха» [4, с. 99].

Отрывок касается Нориного капризного решения: выйти замуж за ее одноклассника Витю – необщительного математического гения, с которым никто в классе не дружил, кроме Норы и другого гениального мальчика Гриши. Нора собирается преподнести всем «сюрприз» на выпускном вечере, чтобы отомстить бывшему любовнику Никите за то, что из-за слабого и изменившего парня и его отца она была отчислена из школы, открылась не только тайная любовь между Норой и Никитой, но и связь ее мамы Амалии с женатым мужчиной Андреем. В этом отрывке сначала речь ведется от автора-повествователя, но затем в выделенных курсивом предложениях доминирует голос персонажа. Здесь с помощью восклицательных предложений, повествования от первого лица и слов, выражающих эмоцию и оценку персонажа, наглядно демонстрируются психологическое состояние и внутренняя речь Норы, а в последнем предложении отрывка субъектом речи вновь становится всезнающий повествователь.

Отрывок № 2.

«Оставалось время перекусить. Сели за столик.

– Ну, давай, иди в сортир и принимай чего там у тебя заготовлено, – сказала Нора. И подумала: «Страшный сон. Со мной ли все это происходит? Какое-то дурное кино...»

– Знаешь, мне еще не надо. Я сам знаю, когда пора... Я пока ничего...

Поели какого-то эластичного салата в пластмассовом корытце, пластмассового хлеба и выпили американской кофейной бурды в бумажном стакане. Нора вспомнила, как все это ей нравилось много лет тому назад, когда она в первый раз приехала в Америку! *И где же мы в результате оказались? Этот спешный катастрофический отъезд из Америки и его отправка из Москвы девять лет тому назад вдруг слились в одно событие – черт, все сделано своими руками... Это моя решительность, мое желание взять жизнь в свои руки, руководить, организовывать процесс, ставить свой спектакль...*» [4, с. 530–531].

Узнав о том, что Юрик пристрастился к наркотику в Америке, Нора и Тенгиз сразу полетели в Нью-Йорк, нашли Юрика и купили билеты на ближайший рейс, чтобы Юрик поскорее вернулся в Москву и обратился к врачам. Данный короткий диалог Норы и сыном происходит как раз в аэропорту перед вылетом на Родину. В этом отрывке представлены не только рассказ повествователя и устная речь собеседников, но и внутренние размышления Норы и ее душевное состояние. В первых двух предложениях последнего абзаца данного отрывка совмещаются точки зрения повествователя и персонажа: предложения представляют собой нарративный текст, но тревога и тоска Норы уже отражены в «эластичном салате», «пластмассовом хлебе» и «американской кофейной бурде». К тому же в придаточной части второго предложения передаются читателям ее чувства и мысли в тот момент. Остальные предложения в этом абзаце, написанные от первого лица, непосредственно выражают Норино душевное движение. Они кажутся прямой речью персонажа, однако в начале и конце этих предложений отсутствуют типичные знаки препинания для прямой речи (двоеточие, кавычки, тире) и глаголы, обозначающие ощущение персонажа и его процесс мышления (подумать, вспомнить, удивиться и т.д.). С такой формой внутреннего монолога героя, появляющейся также в отрывке № 1, мы часто встречаемся в данном романе. Иногда она встроена в диалог героев и воспринимается читателями как «голос за кадром», раскрывающий внутренний мир персонажа при разговоре с собеседником. Примером может служить следующая часть диалога Норы и болтливой медсестры Таиси:

«– Нор, а ты вообще-то замужем?»

Передает мне тайны по уходу за младенцем и хочет получить мои, в обмен на детское мыло... <...>

– Замужем.

Лишних слов нельзя произносить, можно все испортить, диалог сам должен катиться, она сама должна спросить...

– Давно?

– Четырнадцать лет, со школы.

Пауза. Отлично все строится.

– А чего как ни приду, ты дома одна... <...>» [4, с. 16–17].

Отсюда видно, что автор в своем романе совмещает различные повествовательные формы для раскрытия внутреннего мира героев. Вследствие этого перед читателями иногда чистый голос автора-повествователя или персонажа, иногда «дуют» – в нарративном тексте речь повествователя сливается со словами некоего героя, отражающими его собственную точку зрения, обогащающими образ данного персонажа в художественном мире. Стоит отметить, что в некоторых случаях между таким «свободным косвенным дискурсом» и традиционным повествованием от третьего лица «нет строгой границы» [7, с. 347]: предложения имеют признаки обеих повествовательных форм, могут рассматриваться как с позиции автора, так и с позиции определенного персонажа. Например, в последней главе романа повествователь рассказывает, как Нора читала семейный архив в ивовом сундучке: «Чтение длилось неделю, почти без перерывов. Плакала, смеялась, недоумевала. Восхищалась. Обнаружила в том же свертке несколько записных книжек, которые Яков начал вести еще подростком. *История великой любви, история поиска смыслов, творческое отношение к жизни и невероятная страсть к знанию, к пониманию взъерошенного и безумного мира*» [4, с. 703]. В этом отрывке последнее предложение можно воспринимать как выражение отношения повествователя к главному герою Якову и его любви к Марусе или как впечатление и мнение Норы о ее дедушке после прочтения старых семейных писем и дневников Якова.

Точка зрения персонажа не только проявляется в разных формах речи конкретного героя, но и отражается в **авторском повествовании**, когда в тексте «говорит» повествователь, а «видит», «слышит» или «ощущает» персонаж. В этом случае читатель обычно невольно ставит себя на место того персонажа, наглядно воспринимает его чувства и модифицированную картину, представленную его глазами. В результате мы больше сочувствуем данному герою, глубже узнаем и понимаем его. В качестве примера можно привести первую главу романа, в которой читатель, следуя за взглядом Норы, видит ее сына Юрика, медсестру Таисию, отца Генриха, внешность умершей бабушки Маруси и интерес ее

комнаты, соседей, цветы в магазине на Арбате, родственников, присутствующих на похоронах Маруси, поминки после похорон и т.д. Войдя в комнату бабушки, Нора последовательно остановила взгляд на теле Маруси на самодельной тахте, голых окнах, пыльном книжном шкафу и буфете, использованных в качестве дверей прежде анфиладной квартиры, старых книгах с клопами в шкафу, остатках сюзана, висящих на «двери», «лампочке Ильича», пианино, столе, кресле у окна, истертой одежде в скромной гардеробной за буфетом... Все эти появившиеся в книге детали имеют особенное значение для Норы, позволяют ей думать о жизни Маруси, вызывают у нее воспоминания о прошлом, когда она росла и жила здесь вместе с бабушкой.

Рассказывая историю семьи Осецких, повествователь фокусирует внимание не только на Норе, но и на других героях – Якове, Марусе, Тенгизе, Юрике, Вите... Однако в авторском повествовании большую часть времени центральным персонажем остается Нора, тем более по сюжету романа появление дневников Якова, семейной переписки и архивных документов в данной книге представляет собой результат того, что Нора перевезла бабушкин ивовый сундучок домой, заметила эти старые письма и тетрадки, спустя много лет прочитала их и после прочтения обратилась в архив КГБ, чтобы больше узнать о своем дедушке. В эпизодах, где Нора присутствует, развитие сюжета часто сопровождается ее психологической интроспекцией и реакцией на действие другого действующего лица, а мотивация и внутреннее движение других персонажей не всегда откровенно представлены читателям. Например, в отрывках, где Нора и Тенгиз вместе живут и работают, обсуждают театральные постановки и художественные вопросы, читатели четко знают психологическое состояние Норы и невольно стоят на ее позиции, поскольку они, как Нора, видят, что Тенгиз делает, слышат, что он говорит, но приходится думать о мыслях в его словах и причинах его поведения.

Стоит отметить, что здесь наблюдается и некая близость автора-повествователя к Норе, обусловленная не только важной ролью Норы в сюжетостроении и системе персонажей, но и автобиографичностью романа, аргументированной исследователями рядом схожих черт между писательницей и Норой, семьями Улицких и Осецких [8, 9]. В связи с этим можно подтвердить, что иногда образ автора сливается с образом Норы, и при этом условии писательница высказывает свои мысли Нориными словами. Наиболее очевидным примером служит внутреннее движение Норы в эпилоге романа, когда она прочитала все

сохранившиеся письма и документы о своих родственниках: «А может, разложит старые письма и напишет книжку... <...> Но кто он, мой главный герой? Яков? Маруся? Генрих? Я? Юрик? Нет, нет! <...> мой герой – сущность. Носитель всего, чем располагает человек, – высота и низость, смелость и трусость, жестокость и нежность, и страсть к познанию» [4, с 721–722]. Это и есть авторская исповедь о своем творчестве.

Итак, в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» совмещаются различные точки зрения персонажей, отраженные в следующих формах текста:

- 1) давних письмах и других документальных материалах, написанных персонажами;
- 2) диалогах героев;
- 3) внутренних монологах персонажей в качестве прямого, косвенного и свободного косвенного дискурсов;
- 4) авторском повествовании, когда в речи повествователя демонстрируется то, что персонаж видит, слышит и ощущает.

В произведении чередуются эпистолярные и мемуарные материалы в ивовом сундучке и повествовательный текст с диалогами персонажей, параллельно развиваются сюжетные истории о старшем и младшем поколениях семьи Осецких, демонстрируются жизнь и судьба героев, живущих в разные эпохи. Таким образом, в данном романе сосуществуют разнообразные повествовательные ситуации, наблюдается постоянная смена точек зрения, представляющая собой особенную повествовательную манеру писательницы. Она играет важную роль в движении сюжета, многостороннем раскрытии образа героев и их взаимоотношений с другими, а так-

же позволяет читателям видеть произошедшие в художественном мире события с различных позиций, провоцирует на узнавание судьбы персонажей и истории одной из множества семей в истории страны.

Список литературы

1. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
2. Martin W. Recent Theories of Narrative. Ithaca ; London : Cornell University Press, 1991. 246 p.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Художественная литература, 1975. 504 с
4. Улицкая Л. Е. Лестница Якова. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. 731 с.
5. Ничипоров И. Б. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы : жанр, автор, текст : материалы XXI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 75–80.
6. «Лестница Якова» и кровавый Техас. Две семейные саги. Обзор Галины Юзефович. 23 октября 2015. URL: <https://meduza.io/feature/2015/10/23/lestnitsa-yakova-i-krovavyu-tehas> (Дата обращения: 10.12.2021)
7. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
8. Цой К. П. Автобиографичность романа Л. Улицкой «Лестница Якова» // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020, № 4–6 (60). С. 157–160.
9. Некрасова И. В. Расширение границ документально-го в произведениях новейшей русской литературы // Филология и культура. 2016. № 3 (45). С. 129–134.

Поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 06.05.2022